

НЕ ОХЛѢВЪ ЕДИННО
БЛАГУЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО
ИЗДАНИЕ
БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО
СВ. СТЕФАНЪ
СПАСА

СКЛѢПЕРУСНИКЪ
ВОЛОГОДСКЪ ЧУДОТЪ

СВ. СТЕФАНЪ
СПАСА ПЕРМОКІЙ

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 22
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Изъ писемъ святителя Тихона Задонскаго о покаяніи.—Пер-
вое марта 1881 года.—Сила Божія и немощь человѣческая Изъ записокъ
игумена Феодосія о самомъ себѣ, *Сергѣя Нилуса*.—У могилки о. Варнавы.
Свящ. Ка—ва.—Погибшій. Исторія одного несчастнаго священника.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ИЗЪ ПИСЕМЪ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКАГО О ПОКАЯНІИ.

II.

Смотри, любезне, и примѣчай, какъ человѣкъ согрѣшилъ въ рай, изгнанъ изъ рая, и заключился рай, заключилися и небеса. Смотри, что дѣлаетъ грѣхъ! Но какъ Сынъ Божій явился на земли, то и двери небесныя отворилися, и гласъ небснаго Отца услышалъ человѣкъ, который изъ рая изгнанъ былъ; и услышали люди: *покайтесь приблизися бо царство небесное*. Тѣмъ показалося, что отворился паки входъ въ царство небесное людемъ; какъ Богъ на землю пришелъ, то и люди начали на небо восходить, и земніи жители получаютъ гражданство небесное, и человѣки съ ангелами совокупаются. Слава Богу, благоволившему тако! Спасайся и радуйся о семъ.

III.

Идѣлъ ли ты, что дѣлаетъ смиреніе? Іоаннъ святой признавалъ себе недостойна быти, дабы ремень сапогу у Хріста разрѣшить: *нѣсмь достоинъ отрѣштити ремень сапогу Его*; но удостоился руку, которую недостойную сапога почиталъ Хрістова, на главу Его возложить. Тако Петръ глаголаше ко Хрісту: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи*. Но услышалъ отъ Господа: *не бойся: отсель будеши человекъ лова*. Видишь, куда смиреніе возводитъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ смиряетъ себе, тѣмъ болѣе Богъ его возвышаетъ: *всякъ бо смиряяй себе вознесется*, по словеси Господню.

ПЕРВОЕ МАРТА 1881 ГОДА.

(Окончаніе).

Между тѣмъ по Петербургу разнеслась печальная вѣсть о покушеніи на Государя. Народныя массы стекались на дворцовую площадь, ожидая тревожныхъ извѣстій. Вдругъ печально спустился флагъ на Зимнемъ дворцѣ. Всѣ узнали горькую истину, что солнце земли Русской закатилось! На другой день (2 Марта) со-

вершена была торжественная панихида въ Исаакіевскомъ соборѣ. Предъ панихидой царскіи духовникъ Протопресвитеръ Іоаннъ Янышевъ въ своемъ прочувствованномъ словѣ такъ оплакивалъ великую утрату Россіи.

„Православные соотечественники! Неизмѣримое бѣдствіе постигло наше отечество. Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ вчера скончался.

О, если-бы мы могли сказать только то, что Онъ скончался, что Онъ, какъ смертный человѣкъ, достигъ указаннаго Ему Промысломъ предѣла земной жизни! Какъ ни безмѣрна была-бы потеря, какъ ни тяжела скорбь Россіи, все-же мы могли-бы съ вѣрою и дерзновеніемъ обратиться къ Отцу небесному, стали-бы умолять Его милосердіе растворить нашу скорбь небеснымъ утѣшеніемъ, подать отраду землѣ Русской, не лишитъ ее любви, которую Господь въ такой преизобильной мѣрѣ явилъ ей въ Особѣ почившаго великаго Монарха; наша скорбь могла-бы, по крайней мѣрѣ, искать себѣ утѣшенія.

„Но кончина нашего Государя есть, больно и тяжело сказать, *кончина великаго мученика на Русской землѣ*. Отдавъ всѣ свои силы такимъ великимъ подвигамъ на благо народа, какихъ никогда еще наше отечество не видало отъ своихъ Вѣнценосцевъ, Царь-Освободитель въ благодарность за это не нашелъ въ своей Россіи даже безопасности для собственной жизни. Смертельныя, жестокия раны, прекратившія Его жизнь, нанесены Ему не на полѣ брани со врагами, а въ Его собственной столицѣ, не среди чуждыхъ племенъ или народовъ, а среди вѣрноподанныхъ, не вдругъ и нечаянно, а послѣ многократныхъ попытокъ со стороны русскихъ же злодѣевъ. Да, не смотря на наше многомилліонное множество, мы не сумѣли уберечь отъ злодѣевъ этого Ангела Русской земли, это сердце, дышавшее только миромъ и любовью; у насъ похитили это сокровище добра, безпримѣрную красоту и чистоту свѣтившее Русской землѣ и согрѣвавшее ее; мы не отстояли и не сохранили этой жизни, въ которой наша величайшая слава, наша гордость предъ иноземцами, надежда и прибѣжище единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ народовъ, радость и украшеніе нашей святой Православной Церкви.

„Государь нашъ не скончался только, но и убитъ въ Своей столицѣ... Мученичeskій вѣнецъ для Его священной Главы сплетенъ на Русской землѣ, въ средѣ Его поданныхъ... Вотъ что дѣлаетъ скорбь нашу невыносимую, болѣзнь русскаго и хрістіанскаго сердца—неизлѣчимую, наше неизмѣримое бѣдствіе—нашимъ-же вѣчнымъ позоромъ!“...

„Къ Тебѣ, Отецъ нашъ небесный, невольно порываются наши разбитыя сердца... Воззри на нашу скорбь и болѣзнь, не отрини и не погуби насъ до конца, о неспечетная Благостыня!“...

Другой проповѣдникъ, протоіерей Михаилъ Соколовъ говорилъ, обращаясь отъ лица царственнаго Страдальца къ Его поданнымъ: „Дѣти Мои! Много добра Я сдѣлалъ для васъ въ двадцать шесть лѣтъ: Я призвалъ изъ крѣпостной тяжкой зависимости двадцать милліоновъ вашихъ братьевъ. Не это ли кровная вина Моя передъ вами? Я призвалъ всѣхъ васъ къ образованію, положилъ начало вашего самоуправленія. Я сохранилъ славу вашу предъ другими народами. Я возвысилъ ваше благоденствіе, призрѣлъ многихъ вашихъ сиротъ. Я простиралъ вашу любовь къ вашимъ братьямъ,—не въ этомъ-ли Мои вины передъ вами? Приидите, дѣти, испытайте себя: *какой свободы вы желаете отъ Меня? Свободы насилій и убійствъ? Я не могъ дать се вамъ, какъ человекъ, какъ хрістіанинъ: Я могъ сдѣлать среди васъ только сѣмена мирнаго развитія и преуспѣянія вашего на началахъ вѣры въ Бога и любви къ людямъ*“.

3 Марта тѣло Царя-мученика положено было во гробъ и перенесено въ церковь зимняго дворца. Изъ Московской Оружейной палаты привезены были государственныя регаліи. Входъ въ церковь открытъ былъ для поклоненія праху въ Бозѣ почившаго Государя. Лицо Его было открыто. На немъ замѣтны были кровоподтеки и язвы отъ ранъ. Лѣвая рука прикрывала правую, израненную при взрывѣ бомбы. На груди лежалъ маленькій овалный образокъ. Много вѣнковъ украшало останки Царя-мученика. Кто-же первый откликнулся на великое горе Россіи? Это—освобожденные крестьяне изъ сердца Россіи—изъ Москвы. Оттуда былъ присланъ съ нарочитой депутаціей первый вѣнокъ на гробъ Царскій. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ одинъ изъ участниковъ этой депутаціи.

„Какъ вамъ сказать, я ужь и не знаю, какъ эта мысль зародилась, чтобы вѣнокъ подать. Вдругъ это вышло!.. Такъ тяжело было, такъ тяжело, что и словъ нѣтъ на это, чтобы передать... Какъ узнали мы о томъ, что нашъ Царь-Батюшка мученическую смерть принялъ, просто ослобѣли. Вѣрить не хотѣлось. Не можетъ этого быть!.. И все таки это была правда! Такъ-бы и полетѣлъ туда къ гробу, упалъ-бы, заплакалъ-бы горячими слезами... А что, говорю, братцы, если-бы намъ вѣнокъ Ему-Батюшкѣ положить? *Видь это нашъ Царь былъ, крестьянскій Царь.*

— Великолѣпно!—говорятъ. Только не знаемъ вѣдь мы ничего. Можно-ли царямъ вѣнки класть, или нельзя... Постоите, говорю, я сейчасъ къ Генераль-губернатору слетаю. Доложили; объяснилъ, какъ и что. Ну, тамъ и научили... Сейчасъ я назадъ къ нашимъ. Старосты артельные сидятъ, артели большія. Всѣ рады. Мы, говорятъ, не только бездѣлицею на вѣнокъ готовы пожертвовать, мы на эдакое дѣло тысячи рублей не пожалѣемъ. Только чтобы это скорѣе было. Начали мы тутъ соваться туда-сюда...

Вѣнокъ заказывать, ленту покупать, надпись обдумывать. Заки-пѣло дѣло. Ночью я къ нѣмцу ноѣхалъ, къ типографщику. Слава Богу, скомандовали. Вѣнокъ вышелъ дивный. Въ срединѣ крестъ изъ ландышей и бѣлыхъ гіацинтовъ, пальмовыя листья придрѣ-лали, ленту въ шесть аршинъ прикрѣпили. Чудесный вѣнокъ. На вокзалѣ насъ народъ провожалъ; всѣмъ видно трогательно было... Дорогою сидимъ эдакъ, разговариваемъ, а сами все сомнѣвались. Ну, какъ не допустить? Ну, какъ не удаться? Такъ до самаго Питера ѣхали, все сомнѣвались. Однако, посоветовались и рѣ-шили всѣ силы употребить, но нашему Благодѣтелю отдать по-слѣдній долгъ. Приѣхали въ Питеръ,—какъ въ лѣсу. И надумали къ генералу Рылѣеву во дворецъ... Выходитъ генераль Рылѣевъ, по-жилой ужъ человѣкъ, лѣтъ шестидесяти.—Откройте, говоритъ, вѣнокъ. Открыли. Взглянулъ онъ и повелъ насъ къ церкви. По-шли корридормъ, потомъ поднялись по лѣстницѣ... Тутъ гене-раль Рылѣевъ спрашиваетъ: „А что, говоритъ, у васъ на лентѣ написано?“—Извольте; посмотрѣть, Ваше Высокопревосходитель-ство. Сталъ онъ читать: „Царю—Освободителю, Отцу нашему“; потомъ какъ дошелъ до словъ: „Ты безсмертенъ въ сердцахъ нашихъ“, какъ заплачетъ, какъ зарыдаеть... Да, Онъ васъ лю-битъ, говоритъ генераль. И такъ-то намъ жутко стало, такъ слезы и подступаютъ... Чѣмъ ближе мы подходили къ церкви, тѣмъ больше все сердце падало. Наконецъ, и въ церковь всту-пили: великолѣпіе, золото вездѣ... Стоитъ посрединѣ балдахинъ парчевый, три широкія ступени ко гробу ведутъ, въ головахъ Государя аналой, и священникъ читаетъ Евангеліе. Отъ балда-хина кругомъ стоятъ генералы, человѣкъ тридцать, если не боль-ше. Посторонились они, дали намъ дорогу, и мы вошли на пер-вую ступень. Тутъ я ужъ и помню-то мало. Пали мы всѣ на колѣни и зарыдали. Въ землю поклонились, а слезамъ удержи-нѣтъ... Что въ это время мы перечувствовали, какъ переболѣла душа у гроба нашего Отца и Благодѣтеля, выразить невозможно! Словъ такихъ нѣтъ, да и быть не можетъ! Генераль Рылѣевъ взялъ нашъ вѣнокъ и возложилъ прямо на грудь къ нашему Батюшкѣ... Тутъ генераль позволилъ намъ проститься съ Госу-даремъ, къ ручкѣ Его приложиться, и вѣрите-ли?... Только что взглянулъ я на Него, такъ и остолбенѣлъ. Что портреты-то мы видимъ, никакого подобія. На портретахъ у Него прическа пыш-ная и волосы только съ просѣдью; а тутъ лежитъ Онъ-Батюшка сѣдой, худой, истомленный, волосы короткіе, усы совсѣмъ сѣдые. Правое вѣко разсѣчено, бровь какъ будто опалена, а съ лѣвой стороны все лицо въ черныхъ пятнышкахъ, точно рябое сдѣла-лось. Динамитъ этотъ проклятый, говорятъ, такъ дѣйствуетъ. И лежитъ нашъ Царь-Мученикъ въ гробу съ кроткимъ и любя-щимъ лицомъ, точно заснулъ Онъ-Батюшка!... Вотъ такъ-то мы

и сподобились проститься съ нашимъ Благодѣтелемъ!.. Теперь пускай и другія сословія идутъ; *мужичье дѣло сдѣлано!*“

8 Марта въ засѣданіи Московской Думы было постановлено— соорудить памятникъ въ Москвѣ Царю-Освободителю, дабы онъ, какъ говорилъ тогда извѣстный Московскій патриотъ Д. Θ. Самаринъ, „свидѣтельствовалъ о той скорби, которую скорбѣлъ Русскій народъ по Царѣ-Освободителѣ! Да будетъ онъ проявленіемъ Русскаго народнаго духа, завѣтнаго и неразрывнаго союза Русскаго народа съ его Царемъ“. Чудный памятникъ этотъ оконченъ устройствомъ и освященъ въ нынѣшнее царствованіе. „Къ нему не заростетъ народная тропа“. Очевидцы рассказываютъ трогательныя рѣчи, которыя слышали они изъ устъ освобожденныхъ крестьянъ у бронзовой фигуры Царя-Освободителя.

Нынѣ, по благословенію Св. Синода, 18 и 19 февраля разрѣшено произвести сборы по церквамъ всей имперіи на сооруженіе въ Москвѣ храма въ память освобожденія крестьянъ. Благослови, Господи, доброе дѣло!

Закончимъ нашу статью словами одного жизнеописателя Царя-мученика:

„Русскій народъ, православный народъ! Кровь Царя - Мученика Александра на тебѣ и на дѣтяхъ твоихъ. Смой эту кровь любовью къ Богу и святой матери Церкви, преданностью благу родины и твоимъ Царямъ, мирно развивайся путями, указанными тебѣ убиеннымъ за тебя Царемъ-Мученикомъ, и спаси себя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ твоихъ!“

СЛОВА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XIII.

Но не смотря на мое подвижническое усердіе, моя мечта побывать въ Кіевѣ грозила такъ и остаться мечтой. Тогда я рѣшился прибѣгнуть къ хитрости, чтобы, такъ или иначе, а уже поставить на своемъ и развязаться съ моимъ тоскливымъ житьемъ на мельницѣ.

Отправившись разъ на охоту съ ружьемъ, я забрался на се-

редину того большого озера, о которомъ говорилъ выше. На самой серединѣ озера былъ островъ, поросшій густымъ камышемъ; туда можно было, хоть и съ трудомъ, добраться по песчанымъ отмелямъ, которыя мною были изучены въ совершенствѣ. Подъ шелестъ камыша, я всесторонне обдумалъ свой рискованный планъ и рѣшилъ, во что бы то ни стало, привести его въ исполненіе. Нужны были терпѣніе и воздержаніе, а этому меня научили муравьиныя кучи.

Залегъ я на своемъ островѣ и сталъ ждать, когда меня вызнутъ на мельницѣ, а тогда, сказалъ я себѣ, дѣло видно будетъ. Такъ и просидѣлъ я до самого солнечнаго заката.

А между тѣмъ дома, на мельницѣ, меня хватились. Ждали къ обѣду, меня—нѣтъ; ждутъ къ чаю,—я все не возвращаюсь. Стали спрашивать у всѣхъ,—не видали ли гдѣ меня? Узнали, что я очень рано, по утру, ушелъ съ ружьемъ на охоту. Давно уже мнѣ была пора вернуться, а меня все нѣтъ. Родитель мой сильно встревожился и сталъ просить помольщиковъ, чтобы они сѣли верхомъ на лошадей и объѣхали бы окрестныя мѣста—по рѣкѣ, въ лѣсъ, къ большому озеру—словомъ объѣхали бы всюду, гдѣ можно было бы рассчитывать меня найти живымъ, или мертвымъ. Сочувствуя родительской тревогѣ, помольщики сѣли на своихъ лошадей и разъѣхались въ разныя стороны, и вскорѣ вся окрестность въ разныхъ направленіяхъ огласилась криками:

— „Өединька, Өединька! гдѣ ты? Откликнись намъ!“

А Өединька, затаивъ дыханіе, съ трепетно бьющимся сердчишкомъ, чувствуя въ глубинѣ совѣсти, что творить не совѣмъ что-то ладное, притулился на островѣ и изъ его камышей ни звука не подавалъ въ отвѣтъ на отчаянные вопли помольщиковъ. Тѣмъ временемъ солнце уже почти закатилось, темнѣло, и мнѣ на пустынномъ островѣ оставаться долѣ становилось жутко, и я, выбравшись изъ камыша, сталъ такъ, чтобы меня можно было увидѣть съ берега озера, съ котораго до меня долетали оклики разосланныхъ за мною гонцовъ. Меня вскорѣ замѣтили, и съ крикомъ: „вонъ онъ! вонъ онъ—на островѣ!“—ко мнѣ по водѣ, верхомъ на лошади, подѣхалъ одинъ изъ помольщиковъ, усадилъ съ собой на лошадь, и всѣ радостно вернулись на мельницу. Какъ обрадовался мнѣ мой бѣдный, перепуганный родитель!.. Онъ бросился ко мнѣ, осыпая меня вопросами, но я молчалъ, какъ воды въ ротъ набравши: я рѣшилъ притвориться помѣшаннымъ... Еще болѣе перепугался мой родитель и послалъ за священникомъ, который жилъ отъ мельницы саженьяхъ въ двухстахъ, близъ церкви, за рѣкой Терсой. Пришелъ вскорѣ священникъ и началъ со мной говорить, а я въ отвѣтъ понесъ всякую чепуху, и всѣ рѣшили, что я сошелъ съ ума, или объ-

дѣвшия какой-нибудь вредной травы, или еще по какой-либо недѣдомой причинѣ. Велико было горе моего родителя!

Тѣмъ не менѣе надо было со мной на что-нибудь рѣшиться, и, по общему совѣту рѣшено было меня запереть въ чуланъ, гдѣ я... преспокойно и преприятно проспалъ до утренняго чая. Къ этому времени пришелъ опять священникъ, и родитель мой, отперевъ дверь чулана позвалъ меня пить чай... На стѣнѣ чулана висѣла сабля, купленная родителемъ у какого-то прохожаго солдата. На зовъ родителя я, какъ настоящій сумасшедшій, быстро, вскочилъ съ кровати, схватилъ со стѣнки саблю и бросился къ двери, гдѣ стоялъ родитель, замахнулся на него саблей. Онъ быстро отскочилъ прочь... Я вновь и уже изо всей силы размахнулся и ударилъ саблей по двери, да такъ рубнулъ, что откололъ половину дверной доски... Вслѣдъ за этимъ я заоралъ, что есть мочи: „вотъ я вамъ дамъ!“... и понесъ такую околесную, что меня схватили и опять заперли въ чуланъ... Никто не могъ понять, что это вдругъ со мною сдѣлалось.

Въ это время пріѣхалъ къ намъ на мельницу изъ Камышина двоюродный мой братъ, Трифонъ Моисеевичъ, служившій дистанціоннымъ повѣреннымъ по откупу. Онъ ѣхалъ въ Балашовъ для полученія новаго паспорта. Всѣ ему обрадовались въ надеждѣ, что онъ поможетъ опредѣлить, какая такая приключилась со мной душевная немочь, и рассказали ему все, что произошло. Онъ пожелалъ меня видѣть, самъ пошелъ за мной въ чуланъ и, поздоровавшись, позвалъ меня пить чай. Я вышелъ изъ своего чулана довольно покойно и сѣлъ за чай, молча прихлебывая изъ блюдечка, а потомъ опять, ни къ селу, ни къ городу, понесъ разную чепуху.... Видя, что мое душевное состояніе нисколько не измѣнилось, родитель мой сталъ просить пріѣхавшаго брата свезти меня въ Балашовъ къ матери, и всѣ въ одинъ голосъ нашли, что меня нельзя въ такомъ положеніи оставлять на мельницѣ, гдѣ я могу или изуродовать себя, или утонуть. Этого мнѣ только и было нужно.

Родитель мой написалъ къ матери письмо, и меня съ письмомъ братъ свезъ въ городъ. Я выдерживалъ характеръ и все представлялся помѣшаннымъ.

Въ городѣ меня не рѣшились держать въ домѣ, а сдали на попеченіе теткѣ, уже пожилой дѣвицѣ, сестрѣ моей матери, жившей въ дворѣ нашего дома, во флигелѣ, и помогавшей матери по домашнему хозяйству. Вотъ въ этотъ-то флигель и заключили меня до времени, и тетка моя приставлена была ходить за мной. Она меня навѣщала въ моемъ заключеніи и носила пищу. Я продолжалъ вести себя, какъ помѣшанный.

Ужъ на что уменъ былъ и проницателенъ дядя мой и нашъ благодѣтель, Фока Андреевичъ Скляръ, о которомъ я уже

упоминаль рашине, и того я ввелъ въ заблужденіе: онъ, какъ и прочіе, повѣрилъ моей душевной болѣзни и посовѣтоваль матери вызвать доктора. Сами Ковалевы, наши хозяева, приняли участіе въ нашемъ семейномъ горѣ и послали свою лошадь за докторомъ въ село Падовъ, написавъ ему отъ себя письмо. Пріѣхаль докторъ, осмотрѣль меня, пощупаль пульсъ, посмотрѣль языкъ, оглядѣль меня пристально, пожалъ плечами и поставилъ такой діагнозъ:

— „Ничего особенно я въ немъ не нахожу. Со временемъ онъ придетъ въ нормальное положеніе и будетъ здоровъ. Вы старайтесь ничего ему наперекоръ не говорить и развлекайте, чѣмъ можете, чтобы онъ былъ веселъ. Все пройдетъ со временемъ“.

По истинѣ, для моихъ цѣлей, лучшаго опредѣленія болѣзни сдѣлать было нельзя!

Съ отъѣзда доктора, маменька моя нѣсколько успокоилась на мой счетъ и стала меня навѣщать во флигелѣ, а то прежде ходить боялась, да и горе ея было слишкомъ велико. Я сталъ понемногу съ ней разговаривать, иногда даже, какъ совсѣмъ здоровый, и, однажды, подмѣтивъ въ ней доброе расположеніе духа, сказалъ ей:

— „Маменька! отпустите меня въ Кіевъ для поклоненія св. мощамъ Печерскимъ: я далъ обѣтъ, что если вскорѣ выздоровлю, то пойду въ Кіевъ въ благодарность Матери Божіей за мое исцѣленіе. Вѣрите, маменька, что если вы меня отпустите, я вскорѣ буду совсѣмъ здоровъ, а—нѣтъ, то я умру, мамаша!“

Со слезами мнѣ на это отвѣтила мать:

— „Милый мой Оединька! не въ моей это волѣ—вотъ какъ отецъ согласится?!“

— „Да, вы только“, сказалъ я: „отъ себя его поусерднѣе попросите: онъ вашу просьбу и желаніе, навѣрно, исполнить. А, иначе, скажите ему, что я могу умереть. Ну, что такое—отпустить меня недѣль на шесть не болѣе?! И я вернусь къ вамъ, за молитвы Богоматери и Св. Чудотворцевъ Печерскихъ, здоровымъ“.

Маменька пообѣщалась отпросить меня у отца и, слава и благодареніе Господу!—желаніе мое и просьба матери отцомъ были уважены.

Надо ли говорить, что я тутъ же и выздоровѣль!

Черезъ нѣсколько дней я уже отправился въ путь къ Кіеву иѣшкомъ съ попутчиками—богомольцами изъ нашего города.

(Продолженіе слѣдуетъ).

У МОГИЛКИ О. ВАРНАВЫ.

Въ низенькой пещерной церкви Черниговскаго скита служили водосвятный молебень. Въ храмѣ разливался слабый свѣтъ отъ мерцающихъ лампадъ. Мы молились предъ чудотворнымъ образомъ Царицы Небесной, молились о томъ, чтобы приняла Она насъ подъ кровъ Свой теплый, успокоила бы мятущееся сердце, сохранила насъ неповрежденными. среди волнъ разбушевавшагося жизненнаго моря.

Съ глубочайшимъ чувствомъ умиленія облобызали мы св. образъ Божіей Матери. Теперь бы къ отцу Варнавѣ, го-

ворить внутренній голосъ. Отъ него бы принять благословеніе и получить мудрое наставленіе... Но нѣтъ уже въ живыхъ этого добраго, всѣхъ отечески любившаго старца. Онъ умеръ 17-го февраля 1906 года. Не слышитъ православный русскій народъ словъ челоуѣка, обвѣяннаго благодатію, не видитъ его благостнаго лица. Теперь толпы вѣрующаго народа приходятъ уже на могилку старца.

Насъ провели туда чрезъ узкій, узкій проходъ. За алтаремъ пещерной церкви находится маленькая пещерка-часовня, на правой сторонѣ около стѣны похороненъ, по желанію богомольцевъ, приснопамятный старецъ. Мраморная гробница, на ней—восьмиконечный крестъ, который лобзаютъ богомольцы; надъ гробницей на стѣнѣ прикрѣплена мраморная доска съ надписью, — кто погребенъ тутъ. На краю гробницы — паннихидникъ со множествомъ горящихъ свѣчей. Это почитатели старца на его могилѣ возжигаютъ свѣчи за упокой чистой души молитвенника, столько духовной пользы оказавшаго православному народу. Думается, что почитатели покойнаго ставя свѣчи, надѣются на то, что подобно яркой свѣчѣ теплится молитва отшедшаго ко Господу старца о насъ грѣшныхъ, продолжающихъ жить во юдоли плача. Но крайней мѣрѣ такое чувство надежды испытывали мы, зажигая у могилы о. Варнавы восковыя свѣчи. Тихо, тихо здѣсь... И на душѣ становится такъ тихо. Вѣрится, горячо вѣрится, что старецъ духомъ своимъ тутъ, вблизи насъ; чувствуется, что онъ—родной намъ, сочувствуетъ, любитъ, молится о насъ... Невольно

преклоняешь колѣна, теплая слеза упадаетъ изъ глазъ и орошаетъ плитняной полъ. Такъ бы тутъ и остался на всегда. Хорошо, легко, какъ бывало у живаго.

Съ необычайной отчетливостію въ памяти воскресаетъ прошлое посѣщеніе Черниговскаго скита, 7 лѣтъ назадъ. Осенній день, ясный, не холодный. Послѣ городской суеты въ скитѣ тишина. Мы приложились къ Чудотворной иконѣ Черниговской; ибо таково желаніе о. Варнавы, чтобы паломники навѣщали его уже послѣ молитвы предъ иконою Царицы Небесной.

Подходимъ къ маленькому домику о. Варнавы. Въ сѣнцахъ толпится много народа. Кого тутъ нѣтъ—и простецы и интеллигенты, и богатые и бѣдные. Всѣ ожидаютъ старца, чтобы принять его благословеніе, получить отвѣтъ на волнующій душу вопросъ. Общее чувство ожиданія сообщилось и намъ. Какъ хотѣлось увидѣть его, живущаго въ міру, но поборовшаго злое и получившаго великій даръ утѣшенія. Дошла очередь до насъ. Мы вошли въ келлію старца. Въ переднемъ углу образъ св. Николая Чудотворца, въ уголкѣ по одной стѣнѣ лѣнился простой диванчикъ и угольничекъ; предъ маленькимъ оконцемъ, полужавѣшаннымъ шторою, стоялъ деревянный столикъ, прикрытый старенькой клеенкой. Простая обстановка! Помолвившись на образъ, мы по—іерейски поздоровались съ о. Варнавою.—Откуда вы?—Изъ Вологды. — Какъ тамъ живете, гдѣ служите? давали вопросы о. Варнава. Свои вопросы онъ переищивалъ нравоученіями краткими, положительными и глубокими. Глаза его вдумчивые смотрѣли прямо на тебя, лицо доброе, предоброе невольно манило къ себѣ своею искренностію, участіемъ и отеческою ласковостію. Среди разговоровъ о. Варнава, устремивъ на меня долгій взоръ, который такъ и проникалъ въ глубину сердца, какимъ-то особеннымъ тономъ сказалъ: „бѣдные, бѣдные, какъ вы живете“... Эти слова навсегда запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ. Да и какъ не запечатлѣться, когда они такъ ясно выполняются въ моей жизни; какъ не вспомнить доброжелательность старца, съ такою жалостливостію говорившаго о моей будущей судьбѣ, о моей несладкой долѣ? Скоро послѣ того я, молодой іерей, лишился любимой жены, оставившей мнѣ троихъ малолѣтнихъ дѣтей. Слова старца не забудутся никогда, ибо они проливаютъ утѣшеніе въ душу мою въ минуты скорби.

Легко, хорошо чувствовалось въ келліи о. Варнавы. Прошло $\frac{1}{4}$ часа, но она показалась за одинъ моментъ. Таковъ ужъ у старца былъ даръ, который онъ стяжалъ иноческими трудами всей своей жизни.

О. Варнава въ мірѣ Василій, сынъ крѣпостныхъ крестьянъ Или и Даріи Меркуловыхъ. Еще мальчикомъ, отличаясь чуткостію къ добру, онъ полюбилъ храмъ Божій и молитву. Помѣ-

щикъ научить Василія слесарному ремеслу. Исполняя обязанности свои, онъ всегда думалъ о спасеніи своей души, желалъ подвизаться подъ руководствомъ добраго старца, какового онъ нашелъ въ отшельникѣ инокѣ Геронтіи, жившемъ невдалекѣ отъ мѣсто-нахожденія Василія. Подъ вліяніемъ старца Василій рѣшился покинуть мѣръ. Будучи 20 лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ матерію своею пришелъ на богомолье въ Лавру Преп. Сергія и, когда приложился къ мощамъ Угодника, почувствовалъ приливъ какой-то неизъяснимой радости. Вскорѣ, благословляемый родительскими благожеланіями, Василій поступилъ въ Тронце-Сергіеву Лавру, сюда же прибылъ и наставникъ его Геронтій, принявшій въ Лаврѣ схиму съ именемъ Григорія.

Недолго пробылъ Василій въ многолюдной Лаврѣ,—всего одинъ мѣсяць. Онъ ушелъ отсюда въ тихій Геосиманскій скитъ, гдѣ встрѣтилъ и еще опытнаго наставника о. Данила, подвизавшагося въ келіи въ глубинѣ лѣса, окружавшаго скитъ. Исполняя послушанія, Василій весь углубился въ молитву и созрѣвалъ въ духовной жизни. Высокая настроенность и подвиги послушника обращали на себя вниманіе его духовныхъ руководителей. И вотъ, предъ смертію схимонахъ о. Григорій возложилъ на своего любимаго ученика подвигъ старчества. Подавая ему двѣ просфоры, о. Григорій говорилъ: „симъ питаи алчущихъ — словомъ и хлѣбомъ, тако хочетъ Богъ!“ При этомъ старецъ открылъ Василію волю Божию и относительно предстоящаго ему устроенія женской обители въ мѣстности, зараженной расколомъ.

— „Много придется потерпѣть тебѣ за твои труды, съ грустію прибавилъ схимникъ, но претерпи все. Это — гоненіе ненавистника нашего спасенія... Впослѣдствіи скорбь твоя смѣнится духовною радостію, процвѣтетъ эта обитель „невѣсть Христовыхъ, яко кринь сельный. Многіе будутъ пріѣзжать и дивиться ея благолѣпію“... Съ горькими слезами, колѣнопреклонный предъ одромъ болѣзни старца, внималъ этимъ словамъ Василій. Пришедши, затѣмъ, на грудь своего любимаго наставника, Василій просилъ не возлагать на него трудное бремя старчества и строительства женской обители; но старецъ любовно взглянулъ на смущеннаго инока и уснококлъ его: „Чадо, не моя воля на это, но Божія. Да совершится она надъ тобою! Не сѣтуй на тяжесть креста: Господь Богъ будетъ помощникъ тебѣ... Въ день скорби возверзи печаль твою на Господа, и Той утѣшитъ тебя.“ Черезъ два дня послѣ этого, схимника Григорія не стало. Черезъ три года инокъ Василій лишился и своего другаго наставника о. Данила, завѣщавшаго ему взять на себя подвигъ старчества. Дальнѣйшая строгая жизнь молитвенника инока „мудраго простеца“ Василія дѣйствительно показала, что онъ свято, безропотно исполнялъ этотъ завѣтъ.

Черезъ годъ послѣ кончины старца Данила Василіи на 37-мъ году жизни постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Варнавы, что значитъ: „сынъ утѣшенія“, и посвященъ во іеромонахи. За духовную опытность о. Варнава скоро былъ избранъ братскимъ и народнымъ духовникомъ. И вотъ съ ранняго утра до поздняго вечера потекли къ нему люди, жаждущіе спасенія своей души—и ученые и знатные, и простецы и убогіе. Всѣхъ съ любовью и радушіемъ принималъ къ себѣ добрый старецъ, врачуя душевные недуги приходившихъ къ нему, утѣшая, ободряя твердо идти по пути Христову. Сколько падшихъ духовно людей поднято о. Варнавой, сколько ранъ затѣчено, болѣзней духовныхъ уврачено! Счета нѣтъ... Врачуя души, о. Варнава, по вѣрѣ приходившихъ къ нему, врачевалъ и тѣлесныя немощи. Однажды къ батюшкѣ пріѣхала изъ Москвы дама пожилыхъ лѣтъ и, указывая на свой больной глазъ, со слезами говоритъ ему: „батюшка, доктора нашли, что глазъ подвергся какой-то опасной болѣзни и потому непременно нужно удалить его“. Въ это самое время ей подають телеграмму изъ Москвы, которою сынъ приглашаетъ больную немедленно возвратиться домой для операціи глаза, такъ какъ, по словамъ доктора, скоро послѣдуетъ зараженіе и другаго глаза. Вѣсть эта громомъ поразила даму, и она, равно какъ и ея дочери, съ которыми она пріѣхала къ старцу, залилась слезами.

Батюшка и говоритъ:—„Ну ихъ!... Не слушайте ихъ, а мочите больной глазъ комнатной водой и, Богъ дастъ, болѣзнь пройдетъ. Слышишь, Е., никакъ не соглашайся на операцію... Дама уѣхала. Мѣсяца же чрезъ два-три она опять является къ батюшкѣ съ совершенно здоровыми глазами и благодаритъ его за то, что онъ отклонилъ ее отъ операціи, высказывая ему, что единственно за его молитвы она избавилась отъ болѣзни глаза. Подобныхъ случаевъ въ жизни батюшки было не мало.

О. Варнава давалъ на память листочки и иконки; мнѣ подарилъ онъ образокъ хранящійся и теперь у меня съ великимъ благоговѣніемъ.

Незабвенны слова о. Варнавы, незабвененъ образъ его, взгляды свѣтлыхъ, добрыхъ очей. Какъ живой предстаетъ предъ твоимъ сознаниемъ батюшка тутъ, гдѣ положены его останки. Сердце рвется къ молитвѣ за батюшку. Думается, что всѣ знающіе о. Варнаву, извѣдавшіе сладость его отеческихъ рѣчей, переживаютъ у могилки его чувство глубокаго благоговѣнія, молитвенную настроенность, получая здѣсь утѣшеніе отъ житейскихъ тревоженій. Не даромъ они идутъ сюда изъ разныхъ мѣстъ обширнаго нашего отечества, объединяясь у могилы въ горячей молитвѣ за старца-утѣшителя.

ПОГИБШІЙ.

Исторія одного несчастнаго священника.

Отецъ мой померъ. Мать осталась съ тремя дѣтьми, имѣя ничтожныя средства къ ихъ пропитанію. Пришлось заботиться о пріобрѣтеніи насущнаго хлѣба тяжелымъ женскимъ трудомъ. Мать поступила учительницей въ сельскую школу. Я учился уже въ духовной семинаріи. Въ каникулярное время я любилъ гостить на родинѣ, гдѣ находилъ родственныи пріемъ и ласку въ домѣ преемника моего отца, который приходился товарищемъ ему по обученію. Вотъ съ этимъ-то священникомъ мнѣ пришлось близко познакомиться, въ теченіе многихъ лѣтъ, до самой его смерти. Да проститъ мнѣ другъ мой, что нѣчто поучительное изъ его жизни, хотя тяжелой и безотрадной, страдальческой и страстной, рѣшаюсь я, въ назиданье и пастырямъ и пасомымъ, предать письмени.

Повторяю—единственная моя цѣль—доброе назиданіе. Я сердечно любилъ этого батюшку и благодаренъ ему за его любовь и ласку ко мнѣ и за доброе покровительство всей нашей сиротской семьѣ. Я молюсь за него и не перестану поминать его, пока самъ предстою Престолу Божию. Съ болью сердца буду говорить о немощи его, дабы другихъ предостеречь отъ нея, дабы показать воочію, какъ страсть можетъ поработить себѣ и добраго, хорошаго человѣка, если онъ поддается ей. Вѣрно слово Христа: *творяи грѣхъ—рабъ есть грѣха!*

Изобразить личность этого батюшки, признаюсь, нелегко. Это была натура богато одаренная, добрая, отзывчивая. Въ молодые годы, пока не погрузился онъ въ омутъ жизни, это былъ добрый пастырь, умѣвшій руководить своимъ многочисленнымъ словеснымъ стадомъ, снискать его расположеніе и любовь, такъ что, во дни послѣдующей, омраченной страстью жизни, многое прощалось ему, ради его прежнихъ заслугъ. Прихожане сердечно были привязаны къ нему до самой смерти, которую многіе оплакивали непритворными слезами. Онъ жилъ интересами своей паствы и ничего не жалѣлъ для нея. Вотъ, великимъ постомъ соберутся къ нему говѣльщики изъ дальнихъ деревень. Домъ батюшки переполненъ пришельцами. Онъ всѣхъ поитъ и кормитъ цѣлыя недѣли. Вотъ, приходская его семья обѣдняла. Къ кому обратиться, какъ не къ батюшкѣ? Отдаетъ послѣднее. Домъ его открытъ былъ для всѣхъ сиротствующихъ изъ своей духовной братіи. Здѣсь всякій находилъ радушный пріютъ, встрѣчалъ любовь и ласку хозяина. Похлопотать-ли нужно о чемъ-либо,—къ кому обратиться за совѣтомъ и помощію, какъ не къ отцу Георгію?

гію,—такъ будемъ называть его. Онъ и прошеніе напишетъ и документы соберетъ и все устроитъ. Прихожанъ защищаль онъ отъ обидъ и притѣсненій разнаго рода деревенскаго начальства, что встарину было нерѣдкость. Любилъ принимать у себя нищихъ, Божьихъ людей—странниковъ, помня слово Писанія, что *нѣцыи страннопріяша ангелы*. Словомъ, жизнь его была полна труда и добрыхъ дѣлъ. Начальство цѣнило его, давало ему важныя порученія; нѣсколько лѣтъ онъ состоялъ даже въ должности благочиннаго.

Въ числѣ гостей о. Георгія часто бываль и я, видѣвшій въ немъ особенную любовь, какъ сынъ его товарища. Въ свою очередь и я очень любилъ его. Я встрѣчалъ въ немъ далеко не частое деревенское явленіе—образованнаго сельскаго батюшку, который очень интересовался вопросами просвѣщенія, такъ что каждый разъ я находилъ въ немъ очень милаго и пріятнаго собесѣдника. Цѣлые дни проводили мы въ мирныхъ бесѣдахъ, ходили по полямъ, вмѣстѣ читали журналы, газеты, книги. Интересуясь наукой, онъ спрашивалъ меня о семинаріи, объ академіи. Въ свою очередь и самъ много интереснаго и поучительнаго рассказывалъ мнѣ изъ своего жизненнаго опыта, изъ пастырской практики, изъ сельскаго хозяйства. Словомъ, мы такъ духовно сблизились другъ съ другомъ, несмотря на значительную разницу нашихъ лѣтъ, что стали истинными друзьями. Каждый разъ свиданіе наше было для насъ обоихъ большимъ удовольствіемъ. Возвращаясь домой на капикулярное время, я при первой возможности шелъ къ нему. Онъ былъ большой домосѣдъ. Гостьбы вообще не любилъ. Но случалось—нѣтъ—нѣтъ и навѣститъ меня, случайнаго обитателя народной школы, въ которой жила моя мать. Бывало, онъ поидеть провожать меня и проводить до дому (версть за десять). Тоже случалось и со мной. Да, это былъ истинный другъ мой, отечески меня любившій и сыновне мною любимый.

Но кому какое дѣло до чужихъ воспоминаній и привязанностей? Что тутъ интереснаго, назидательнаго? Объ этомъ еще рѣчь впереди.

Любовь, говорятъ, требуетъ жертвъ, по крайней мѣрѣ искренней мѣрѣ искренняя любовь доказывается жертвами.

Не шумной бесѣдой друзья познаются,
Они познаются бѣдой.
Какъ горе нагрянетъ и слезы польются,
Кто другъ, тотъ заплачетъ съ тобой.

Молодые люди живутъ ожиданіями, а старые люди живутъ воспоминаніями. То была прекрасная пора моего золотого дѣтства и цвѣтущей юности, богатой впечатлѣніями. Объ этой порѣ,

дѣйствительно, остались теперь одни только сладкія воспомина- нія. Что теперь случилось? Зачерствѣла душа, исчезли сладкія чув- ства, настала сухая и суровая проза жизни...

Итакъ любовь къ другу потребовала и отъ меня впоследствии нѣкихъ жертвъ.

Свойство любви таково, что человѣку тяжело и больно обна- руживать язвы друга. Хотѣлось бы покрыть недуги близкаго че- ловѣка добрыми качествами его души.

Но врачу часто приходится вскрывать гнойныя раны.

Учащійся врачебному искусству анатомируетъ трупы.

Учащемуся великой наукѣ, имя которой—*жизнь*, необходимо до тонкостей изучать всѣ изгибы души человѣческой, всѣ сокро- венныя ея нити.

Въ теченіе всей жизни отецъ Георгій велъ постоянную борьбу съ одной великою страстью, гнѣздившейся въ его душѣ. Страсть эту почему-то считаютъ наслѣдственною въ духовномъ сословіи; это—страсть къ спиртнымъ напиткамъ. Она проявлялась у него *периодически*, какъ любилъ говорить о. Георгій. Проще говоря, эта страсть выражалась у него запоями, которые продолжались по недѣлѣ и больше.

До какихъ невыразимо тяжелыхъ состояній доходилъ тогда о. Георгій, какъ много страдалъ онъ въ эти несчастные дни, изо- бразить трудно. Сраданія его были тѣмъ тяжелѣе для него, что онъ былъ безпомощенъ въ своемъ недугѣ. Недугъ этотъ возра- сталъ съ каждымъ годомъ и дошелъ, наконецъ, до ужасныхъ размѣровъ.

Другу его приходилось многократно бывать свидѣтелемъ его страданій. Онъ охотно приходилъ съ своею помощію къ нему, когда представлялась возможность, охотно жертвовалъ ему своей малою услугой.

(Окончаніе слѣдуетъ).